

БАКМЕЙСТЕР И РУССКИЙ ЧИТАТЕЛЬ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В последние годы литературоведческая наука начинает уделять все большее внимание изучению проблем восприятия литературы, читательской среды, взаимоотношений между литературой и читателем.¹

Мы, однако, еще слишком мало знаем о том, как читались и усваивались книги. Известные советские литературоведы (П. Н. Берков, Г. П. Макогоненко, Л. Н. Степанов и др.) постоянно обращали внимание на исторический фон, социальные условия возникновения и распространения литературных произведений. П. Н. Берков, кроме того, указывал на роль и значение неопубликованной, распространявшейся в рукописях и запрещенной литературы, уточняя тем самым сложный характер отношений между литературой и читателем в России XVIII в.² Однако если не считать исследования М. М. Штранге,³ существует еще очень мало специальных трудов, которые бы содержали достаточно сведений об уровне образования городских слоев населения в России в XVIII в., о влиянии на читательскую среду учебных заведений, число которых резко возросло как раз во второй трети XVIII в.

¹ См.: Гей Н. К. Искусство слова. О художественности литературы. М., 1967; Храпченко М. Б. Время и жизнь литературных произведений. — Вопросы литературы, 1968, № 10, с. 144—170; Jauss H. R. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Konstanz, 1967; Escarpit R. Das Buch und der Leser. Köln—Opladen, 1964; Kagan M. Vorlesungen zur marxistisch-leninistischen Ästhetik. Berlin, 1969. — О современных дискуссиях по проблеме «литература и читатель» см.: Weimarer Beiträge, 1970, Н. 2, 5, 11 ffg.

² Берков П. Н. Besonderheiten des literarischen Prozesses in Rußland im 18. Jahrhundert. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des XVIII. Jhs., Bd. III, Berlin, 1968, S. 9—55; Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964.

³ Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

Литературовед-марксист В. Краусс, определяя понятие литературы в век Просвещения, исходил из ее общественной функции, что включает в себя расширение роли литературы как орудия формирования национального и политического сознания и в то же время как средства воплощения мировоззренческих, научных и художественных устремлений. В эпоху Просвещения возникает совершенно новое понятие литературы, которое мы можем правильно интерпретировать и полностью осмыслить, только если мы включим в наши исследования историю книгопечатания и всей организации литературной жизни. «История литературы не может дать удовлетворительного и исчерпывающего ответа на вопрос об общественном назначении и воздействии литературного произведения, пока она упорно игнорирует социальные и экономические факторы в издавна принадлежащей ей сфере, пока она не проследит весь путь литературного творения до конца, до его превращения в „служу“, в образе которого оно стучится в двери к людям, готовое осветить их повседневность».⁴

Русские писатели середины XVIII в. — в том числе и Ломоносов и Сумароков — были далеки от подобных задач. Лишь с постепенным экономическим развитием русских городских центров⁵ во второй половине XVIII в., с усилением влияния русского и европейского Просвещения появился совершенно новый читатель, который выдвигал новые запросы перед литературой. Непосредственный успех у публики теперь не зависел от отношения властей, а был связан с зарождающимися литературными потребностями, суждениями и опытом широких кругов читателей, сконцентрированных прежде всего в городских центрах.

Таким образом, заметный расцвет литературы в России второй половины XVIII в. является выражением новых, закономерно развивающихся отношений между писателем и читателем: «Просвещение предполагает участие более широких масс».⁶

Книга в XVIII в. стала «необходимым предметом широкого потребления».⁷ Но известно, что книги тогда еще были чрезвычайно дороги. В России оставалось огромное количество людей, которые хотя и умели читать, не имели возможности приобрести книги. Таким образом, между книжным сбытом, потреблением, с одной стороны, и производством книг и интересом к литературе — с другой, не было соответствия. Поэтому, чтобы правильно оценить участие русской просветительской литературы в общественной жизни, необходимо не только обратить внимание на из-

⁴ Krauss W. Über den Anteil der Buchgeschichte an der literarischen Entfaltung der Aufklärung. — In: Zur Dichtungsgeschichte der romanischen Völker. (Reclam, Bd. 199). Leipzig, 1969, S. 194.

⁵ См.: Lehmann U. Zur Rolle Petersburgs als Ausstrahlungszentrum russischen Nationalbewußtseins im 18. Jh. und du Beginn des 19. Jhs. — Zeitschrift für Slawistik, H. 6, 1970, S. 857—880.

⁶ Krauss W. Über den Anteil der Buchgeschichte. ..., S. 198.

⁷ Ibid., S. 248.

дательские каталоги, на данные о сбыте книг и на богатые, частично сохранившиеся до наших дней книжные собрания, принадлежавшие людям из высших сословий, но, кроме того, и учесть роль библиотек, читательских кружков, литературных обществ, рукописной литературы, распространение литературы устным путем и прежде всего возрастающее значение журналистики. Есть книги, которые хранились в архивах и собраниях, никем так и не прочтенные, и есть книги, которые не только переходили из рук в руки, но и достигали малограмотного читателя.

Одним из тех, кто принадлежит к кругу просветителей, способствовавших своей издательской деятельностью практическому решению насущных общественных задач (подобно Н. И. Новикову), был Х. Л. К. Бакмейстер,⁸ немец по происхождению, приехавший из Германии в Петербург в 1762 г. и до своей смерти в 1806 г., т. е. более 40 лет, служивший русскому просвещению. Перу Бакмейстера принадлежат многочисленные труды в различных областях знаний, и прежде всего одиннадцатитомный библиографический журнал «Русская библиотека для познания современного состояния русской литературы» («Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland», 1772—1789), реферативное издание, которое впервые давало читателю полные сведения о современном состоянии русской науки и литературы.

«Русская библиотека» — один из важнейших источников формирования русской национальной библиографии,⁹ а также изучения тесных культурных и научных связей между немецким и русским народами. Ни один исследователь русской культуры в период Просвещения не может пройти мимо этого ценного материала. Из этих библиографических данных мы узнаем о существовании в то время книг, которые до сих пор остались ненайденными. Аннотации к книгам открывают нам имена переводчиков многих произведений, считавшихся анонимными; нередко мы впервые узнаем из журнала Бакмейстера о происхождении этих людей, их занятиях и т. п., находим имена, которые отсутствуют в библиографических справочниках.¹⁰ Мы узнаем также о научных замыслах, которые по разным причинам так и не были осуществлены, о местонахождении ценных рукописей и печатных изданий, даже целых библиотек, что необходимо нам для общей оценки духовной жизни России в эпоху Просвещения.

Быстрый рост литературной продукции в последней трети XVIII в., увеличение числа русских ученых и писателей — прежде всего представителей буржуазно-демократической среды, появле-

⁸ Подробнее о нем см.: Lauch A. Wissenschaftliche und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung. Zum Wirken H. L. Ch. Bacmeisters. Berlin, 1969.

⁹ См.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 2-е. М., 1951, с. 73 и сл.

¹⁰ См.: Lauch A. Wissenschaftliche und kulturelle Beziehungen..., S. 86 ffg

ние новых литературных жанров — все это находило отражение в «Русской библиотеке». По нумерации Бакмейстера в его журнале упомянуто 1100 книг. Однако на самом деле число отмеченных им произведений гораздо больше, так как отдельно не были учтены статьи и сочинения, напечатанные в таких изданиях, как например «Труды Вольного русского собрания», «Собеседник любителей российского слова» и т. д.

В истории русской библиографии «Русская библиотека» Бакмейстера — первый специально посвященный России библиографический литературный журнал.¹¹ Не случайно, что возникновение библиографической журналистики в России находится в тесной связи с общим экономическим и политическим подъемом второй половины XVIII в. При Екатерине II за первые 20 лет ее правления было основано 12 типографий, а после указа о вольных типографиях (1783) сразу последовало 20 других, что не только свидетельствует о постоянном росте культурной продукции в России, но одновременно характеризует потребность в чтении и образовании в то время.

Проникнутый настроением этой эпохи, Бакмейстер хочет своими библиографическими очерками дать представление зарубежному читателю «о состоянии русской литературы начиная с 1770 г., ее становлении и росте, о расцвете различных наук, о самых значительных выходящих книгах и многих более мелких произведениях, о самих писателях и их творчестве и многих других подобных предметах, достойных внимания».¹² О значении библиографической информации и ее инициаторов в эпоху Просвещения говорится в предисловии Бакмейстера к первому тому его «Русской библиотеки»: «Это будет способствовать обмену знаниями с другими странами, то есть просвещению, взаимному обогащению наук, дружескому сближению ученых. Это также расширит книжную торговлю с другими странами. Чем больше людей познакомится с результатами здешней науки, тем больше станет число любителей, и чем больше книг уходит из страны, тем больше их она получает, как это обычно делается. Это не только улучшит книжную торговлю (условия которой следовало бы всячески облегчить, особенно потому, что она здесь не всюду свободна от пошлины), но весьма будет способствовать росту образованности».

Журнал Бакмейстера удовлетворял насущным потребностям публики во всесторонней информации, и поэтому он находил благодарного читателя.¹³ Публика требовала объективного описания и характеристики литературных новинок и решительно отвергала всякую односторонность и пристрастность. Бакмейстер предлагал

¹¹ См.: Здобнов Н. В. История русской библиографии... с. 73.

¹² Бакмейстер пишет это, говоря о «плане и пользе» своего журнала (см.: *Russische Bibliothek...*, Bd. 11, 1789, S. 458).

¹³ Многочисленные рецензии в современной публицистике указаны в кн.: *Lauch A. Wissenschaftliche und kulturelle Beziehungen...*, S. 86—155.

своим читателям составленные с глубоким знанием дела аннотации книг, надежно и тщательно проверенные сведения, по возможности разносторонние. Публика должна была судить сама.

В журнале Бакмейстера наряду с такими известными представителями русской культуры, как например Ф. Прокопович, М. В. Ломоносов, А. С. Сумароков, Н. И. Новиков, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, Г. Р. Державин, упоминались писатели и ученые, которые принадлежали к третьему сословию и выражали его интересы. Речь идет о деятелях, которые внесли существенный вклад в развитие научной и культурной жизни России, которые отваживались вступать в борьбу с политикой Екатерины, например Ф. А. Эмин, М. Д. Чулков, В. А. Левшин, М. И. Попов, М. Н. Майков, О. Чернявский, М. И. Прокудин-Горский, С. Г. Цибелин, А. А. Барсов, Д. С. Аничков и др.

Мы находим у Бакмейстера имена почти всех переводчиков, которые переводили на русский язык произведения западноевропейской литературы Просвещения: переводчиков многочисленных статей из «Journal encyclopédique» (И. У. Ванслов, Я. Я. Костенский). Далее Бакмейстер сообщает, что 63 статьи по философии («philosophie, dialectique, morale, jurisprudence, éthique, politique» и т. д.) переведены Я. П. Козельским; перевод статей о различных «формах правления» («démocratie, aristocratie, monarchie, despotisme, anarchie, tyrannie, tyran») был сделан И. Г. Туманским, и т. д. Упоминаются также А. И. Лужков, переводчик Руссо, И. Сичкарев и В. И. Крамаренков, которым принадлежал вольный перевод произведений Монтескье на русский язык, С. К. Котельников, И. И. Богачевский и многие другие литераторы, которые занимают видное место в истории культурной жизни России.

О намерении Бакмейстера обратить внимание читателей преимущественно на самые актуальные явления русской литературы свидетельствует также указание на журнал «Собеседник любителей российского слова»,¹⁴ в частности на «Вопросы» Фонвизина — одно из самых смелых сатирических произведений, появившихся до «Путешествия» Радищева.

Бакмейстер исключил из немецкого перевода, сделанного для зарубежных читателей, два из этих непосредственно нацеленных на Екатерину вопроса (второй и восемнадцатый), но несмотря на это из ответов были совершенно очевидны крайнее неудовольствие и недвусмысленная угроза со стороны высочайшего лица, и это само по себе представляло большую опасность для издателя. Бакмейстер всегда рассматривал свободу слова как требование, от выполнения которого зависит расцвет науки, литературы и публицистики. Он правильно понял общественное назначение литературы русского просвещения. Его задача заключалась не только в том, чтобы познакомить читателя со всеми выдающи-

¹⁴ Russische Bibliothek. . ., Bd. 9, S. 254 ffg.

мися произведениями русской и европейской просветительской литературы, по также и в том, чтобы вовлечь читателя в творческий процесс, сделать его активным участником общественной жизни. Так, Бакмейстер перевел из речи Я. Княжнина на собрании Академии художеств при выпуске питомцев в 1779 г. следующие слова: «Ожидай, Россия, превосходных художников, происходящих из собственных недр твоих, славу твою и сынов твоих начертывающих, иссекающих и изваяющих пред очами потомства, и ожитворенным глаголом живописи и скульптуры, столь же сильно как велеречие, вещающих чувствительным сердцем благовоспитанного юношества: се герои и благодетели человечества в нашем отечестве, вам к подражанию их добродетели искусством представляемые».¹⁵

Русское национальное искусство и литература вовлекались таким образом в общий поступательный процесс общественного развития.

Литература стала выполнять совершенно новую общественную функцию, откликаясь на вопросы читательской публики и современной общественной жизни.

(Перевод Л. Э. Найдич)

¹⁵ Собеседник любителей российского слова, 1783, ч. I, с. 153; Russische Bibliothek. . ., Bd. 9, S. 412.